

Община Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК №3-2008 (28)

Митр. Сурожский Антоний

Слово в крестопоклонное воскресенье

Тем, кто хочет за Ним следовать, Христос дает одну совершенно ясную заповедь в сегодняшнем Евангелии: Если кто хочет за Мной идти, пусть отвернется от себя, отвернется от себя, пройдет мимо себя, возьмет свой крест и следует за Мной...

Но отвратиться от себя, от себя отвернуться, отвлечь от себя самого внимание можно только, если приковать это внимание к чему-то или кому-то другому. Просто отвести глаза и не глядеть никуда, просто оторвать сердце и ни на что его не направить – нельзя. Как же исполнить эту заповедь Спасителя?

Мне кажется, что мы могли бы начать с чего-то очень простого и доступного каждому из нас. Что, если бы мы услышали Христов голос, говорящий нам – как Он говорит в евангельских рассказах много раз: Без тебя – ничего не могу сделать: будь Моими глазами, видящими ближнего; будь Моим слухом, воспринимающим его зов, мольбу, крик; будь Моими ногами, спешащими к нему на помощь; будь руками Моими, дающими ему то, что нужно...

Если мы так услышали бы Христа, то мы знали бы, что делать; мы знали бы, что мы можем одновременно быть самими собой,

в глубоком, осмысленном значении этого слова, и вместе с этим не сосредоточивать свое внимание на себе самих. Мы могли бы

тогда вместе со Христом посмотреть вокруг себя и поставить себе вопрос: Кому нужен Христос? Кому нужна Его любовь? Кому нужна Его забота? Кому нужна Его чистота и правда? Кому нужен Его свет?..

Мы могли бы тогда прислушаться к жизни и попробовать услышать не тот громкий гомон земной, который нас глушит, а те голоса, которые поднимаются в мольбе, в тоске, в радости, и отозваться на них. Мы могли бы спешить к Богу и к людям одновременно; и тогда мы были бы и с Ним, нося Его Крест, – потому что Его Крест – это Его любовь, готовая всем пожертвовать ради нас, – и могли бы следовать за Ним и в то же время забыть о себе, будучи поглощенными заботой о других: заботой не только нашей, а Христовой...

Подумаем над этим и услышим Христа, говорящего нам: Будь Мной среди народа

Моего, – и тогда легко будет, может быть, хоть на мгновение о себе забыть и вспомнить о ближнем вместе с Богом. Аминь.

3-е Воскресенье Великого Поста 28 марта 1976 г.

Почему опыт исповедников сегодня не воспринят в церкви?*

В последнее время не один раз приходилось слышать, что опыт исповедников веры последних советских десятилетий не только не востребован в Русской православной церкви – он вместе со своими еще живыми носителями гоним и презираем. Об этом с горечью упоминал отсидевший срок за организацию в конце 60-х годов «Христианского семинара» Александр Огородников. Он рассказывал, что в учебнике по истории церкви (автор – прот. Владислав Цыпин) исповедники шестидесятых-семидесятых годов выставлены такими церковными диссидентами, решившими чему-то учить, когда надо было тихо молчать. И что о. Владислав не изменил свою позицию, несмотря на все опровергающие ее доводы.

Об этом же явлении говорил в своем интервью нашей газете о. Павел Адельгейм. Он признался, как странно было ему встретить в псковском епархиальном управлении презрительное и недоверчивое отношение к себе как к человеку, сидевшему в лагере при советской власти (епархиальные чиновники в глаза называли его «пятой колонной»). Это было тем более дико, что и архиепископ Ташкентский Ермоген (Голубев), и митрополит Рижский Леонид (Поляков), главы епархий, где прежде служил о. Павел, очень хорошо понимали цену исповедническому подвигу. Сегодня, к нашему глубокому сожалению, приходится рассказать еще об одном событии, подтверждающем печальную тенденцию.

Протоиерей Павел Адельгейм снят с должности настоятеля

Указ был подписан архиепископом Псковским и Великолукским Евсеем через двенадцать дней после празднования памяти новомучеников и исповедников российских.

(...) О. Павел Адельгейм – известный многим исповедник веры. Он был арестован в 1969 г., осужден по ст. 190 (клевета на советскую

власть), приговорен к трем годам лишения свободы. В 1971 году в связи с волнениями в ИТУ п. Кызыл-Тепе потерял правую ногу.

Освободился из заключения инвалидом в 1972 году. После освобождения служил в Ташкентской и Рижской епархиях. Служит в Псковской епархии с 1976 г. В 1992 г. при храме святых Жен Мироносиц открыл приходскую общеобразовательную православную школу регентов. В 1993 г. при храме святого апостола Матфея в деревне Писковичи открыл приют для сирот-инвалидов.

В 2002 г. вышла в свет его книга «Догмат о Церкви в канонах и практике». В ней ставились

серьезные экклезиологические проблемы, для иллюстрации которых описывались события в вымышленной епархии.

Архиеп. Псковский и Великолукский Евсей узнал в вымышленном персонаже себя и воспринял публикацию книги как личное оскорбление. В начале декабря на нескольких службах в своих проповедях он публично обвинил о. Павла в клевете. В одном из храмов города в поисках «преступной» книги был произведен обыск. 20 декабря 2002 г. на собрании епархиального духовенства в течение пяти часов шло обсуждение опальной книги. Правящий архиерей назвал книгу «сатанинской», а ее автора «служителем сатаны».

Затем «в помощь» о. Павлу в храм был назначен священник Владимир Будилин. В течение семи лет он демонстративно отказывался служить и причащаться вместе с о. Павлом. Потом он вообще перестал появляться в храме. И, наконец, начал писать в епархиальное управление жалобы на настоятеля, например, о том, что о. Павел препятствует его служению в храме. Пытаясь представить происходящее не как бесчинство захмелевшего от чувства безнаказанности второго священника, а как конфликт, за который отвечает прежде всего старший – о. Павел, архиеп. Евсей заставил пожилого настоятеля, инвалида, на коленях каяться перед молодым клеветником. Для рассмотрения «конфликта» на 25 декабря 2007 г. было назначено заседание епархиального суда Псковской епархии. Протоиерей Павел Адельгейм отказался участвовать в заседании, объяснив это тем, что рассмотрение споров между клириками не входит в компетенцию церковного суда. Священник Владимир Будилин накануне заседания отказался участвовать в нем, сославшись на «неважное состояние здоровья».

Продолжение на стр. 4

* Источник – газета «Кифа» <http://gazetakifa.ru>

Статья дана в сокращении, на фото о. Павел Адельгейм.

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

IV век

Путь отцов*

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ († 389/390)

Истории угодно было поставить Григория Назианзина в пару с его другом Василием. Между тем эти два человека как нельзя более несхожи: так разнятся натуры предприимчивая и мечтательная, собранная и поэтическая, властная и впечатлительная. Они на диво дополняли и обогащали друг друга. Рядом с Василием Григорий обретал ту твердость характера, которой ему недоставало. Он никогда не пытался освободиться из-под этой дружеской опеки и никогда не сетовал на влияние и превосходство друга.

Биографу Григория легче легкого: письма его и сочинения пронизаны откровенностью. Приходится, напротив, несколько отстраниться, сделать мысленную поправку, чтобы устоять под напором этой своеобразной лирической стихии. Неисправимый романтик, Григорий не мог ничего написать, не упомянув о своих тревогах и переживаниях. По сравнению с Василием ему попросту не хватало сдержанности. Он не скрывает своих недостатков и сам первый страдает и корит себя. Поэтому всякая попытка пристрастного суда над ним оказывается неуместной.

ГОДЫ ЮНОСТИ

Подобно Василию, Григорий происходил из каппадокийской аристократии. Семья его была состоятельна, отец принадлежал к иудейско-языческой секте, мать же, Нонна, была превосходной христианкой. Григорий, от матери, должно быть, перенявший несколько женственную чувствительность, пишет о ней с восторгом. Родители его долгое время оставались бездетными и глубоко скорбели об этом. Нонна всеми силами пыталась обратить мужа в истинную веру. Наконец ей это удалось: муж обратился и даже стал епископом Назианским. Позднее рождение первенца Григория принесло в дом великую радость. Мать предназначила и благословила его на службу Господу. Ей не стоило особого труда дать религиозное воспитание столь восприимчивому по натуре ребенку, языческие нравы не таили для него никакого прельщения, а слово Божие ему «было сладко, как мед». Он был из прирожденных христиан, из тех избранных натур, кто вовсе неподвластен борению темных страстей.

Это, однако, не помешало Григорию обогатиться из сокровищницы языческой культуры, и при этом без малейших нравственных уступок. Позднее он признавался, что «пылко возлюбил словесность, еще когда на щеках его не пробился первый пух». Он остался верен этой любви, на свой лад примиряя церковность с поэзией и культурой. Бога он возлюбил с той же непосредственностью, что и словесность.

Григорий посещал самые знаменитые учебные заведения того времени: в Кесарии (здесь он сдружился с Василием), в Кесарии Палестинской, в Александрии, наконец в Афинах. Предпринятое для этой цели путешествие в Грецию было небезопасным, и он уже от своего лица повторил материнский обет, посвящавший его Богу.

Учение пришлось Григорию по нраву. Впоследствии он любил вспоминать и об испытании новичков и о разнообразии предметов, которое, однако, ничуть не вредило его религиозным убеждениям. Друг его Василий очень помогал ему. Занятия привлекали Григория больше, нежели деятельная жизнь, он любил философию, любил язык во всей его выразительности, любил поэзию, столь созвучную его душе. Он имел слабость задержаться в Афинах после отъезда друга: ему хотели предложить кафедру элоквенции. Может статься, именно в преподавании он и обрел бы истинное призвание?

По возвращении в Каппадокию Василий сделался ритором. «Я выплясывал перед друзьями своими», - замечает он с иронией и без прикрас в своей исповеди, озаглавленной «Поэма моей жизни». Он был прирожденный оратор. Образованность, отзывчивость, пылкость - все его свойства оказались как нельзя более кстати. Красноречие его отвечало вкусам тогдашней эпохи; для нас это, звучит чересчур выпрэнне.

Однако его взыскующая подлинности, беспокойная душа не могла насытиться одним бряцаньем словес и расцветиванием образов. Со дня возвращения на родину перед Григорием встал выбор между жизнью созерцательной и деятельной: выбор для него поистине душераздирающий. Его постоянно преследовала тоска по беспечальной жизни ученого; обыденные заботы и обязанности приводили его в отчаяние. В этом душевном борении прошла вся жизнь: решающего выбора он так и не сделал. Его тянуло к уединению, к философическим и духовным медитациям. «Прекраснее всего, по-моему, когда смолкают чувства и ты, свободный от плотского и мирского, уходишь в себя ради общения с собою и Богом за гранью видимого».

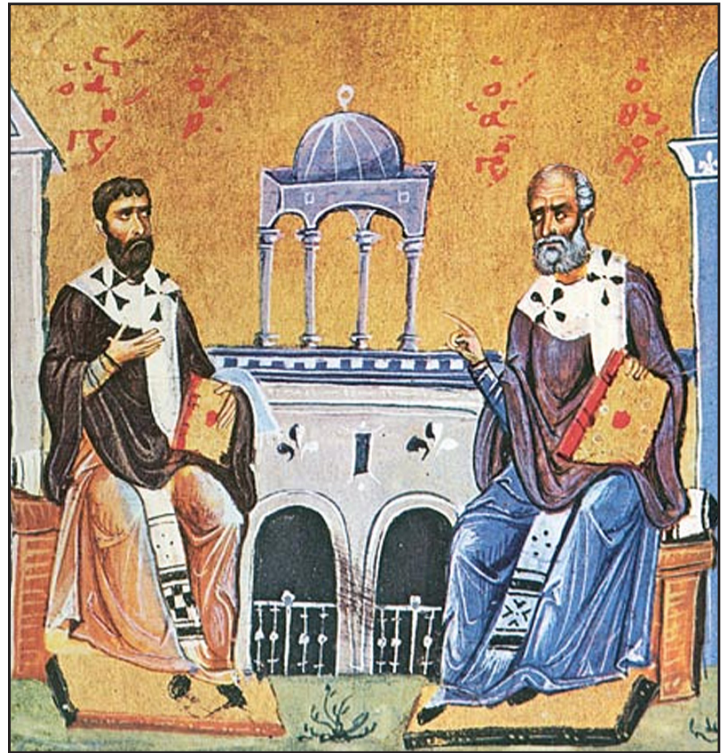
Обостренная чувствительность никогда не покидала его. Ему неизменно требовалось сочувствие; может статься, он попросту нуждался в слушателе, в человеческом присутствии, как всякая эмоциональная натура. Василий призывал его к уединению, но Григория это не устраивало. Твердость духа была ему равно необходима и стеснительна, и он упирался.

ХРИСТИАНИН И ЕПИСКОП

Под давлением родителей, не желая идти против их воли, Григорий наконец обосновался в Назиане, где и был окрещен собственным отцом. Тот был уже в преклонных летах и согбен бременем епископства. Пора пришла опереться на кого-нибудь помоложе. Паства держалась того же мнения. Как нельзя более естественно казалось поставить в священство сына Григория. Для этого, однако, потребовался родительский нажим, и Григорий задним числом жаловался на «тиранию». Он бежал и укрылся в уединении подле Василия. То ли его пугала ответственность, то ли устрашал самый сан священнослужителя? Друг утешил его, и он возвратился через несколько месяцев: на душе остался тяжелый след,

*Отрывки из книги А.Аммана «Путь отцов», начало в №1-2006.

На иллюстрации: Святители Григорий Нисский и Григорий Богослов. Фрагмент миниатюры из Гомилий Григория Богослова, XI в. Пергамент. Монастырь Дионисиат, Афон.

но винить было некого, кроме себя самого. До нас дошла его первая проповедь, произнесенная по возвращении на Пасху 362 г. (см. ниже). В ней с очевидностью угадывается человек мягкий и чувствительный; но также и внимательный к вероучению богослов, чья мысль отчетливо опирается на индивидуальный опыт.

Отныне отец мог на него рассчитывать. Ранимый и даже вспыльчивый, он, однако, показал себя миротворцем в тот момент, когда богословские распри всерьез угрожали единству и миру. Помимо чувств в нем жила вера, и он умел пожертвовать своими пристрастиями ради важных и насущных задач. «Он умел смирять себя, когда должно было заботиться о большем» (А. Пюш - А. Рюеш). Когда в 371 г. император Валент разделил Каппадокию надвое, Василий, чтобы упрочить свое влияние, умножил количество епархий и поставил Григория во главе новосозданного епископства Сазимского. Григорий снова не воспротивился, вроде бы подчинился другу, но так и не поехал к месту служения, «к чужакам и бродягам», не стал заступничать «за кур и поросят», как выразился в письме к Василию. Вспоминая об этом через десять лет, он все еще полон горечи.

Покамест он остается со своим отцом в Назиане, читает проповеди на престольные праздники и в дни поминовения святых. От этого времени сохранилось его замечательная похвала бедности: «Все мы бедняки перед Богом...» Здесь богатство и бедность противопоставлены с точки зрения нашей устремленности к Богу. Бедность символически являет наш удел в миру, посреди тайн его, и лишь обращение к Богу спасает человека от впадения в ничтожество или от помрачения рассудка.

По непостоянству характера Григорий то и дело отлучался из Назиана. Он, однако, вернулся, когда отцовские силы были на исходе, и был при нем до самой его смерти. Верующие хотели бы, чтобы он наследовал отцу. Опасаясь такой участи, Григорий снова сбежал, намереваясь предаться уединенному созерцанию.

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Василий умер в 379 г.; сборник арианства император Валент пал в битве при Адрианопле за год до того. Правителями империи стали Грациан с Феодосием: они озаботились восстановлением православия. Феодосий издал в 380 г. особый эдикт против арианства. Все же положение оставалось бедственным. В Константинополе почти все храмы - и Святая София, и церковь Святых Апостолов - были в руках еретиков. Кафолики, сбившись в редуемое стадо без пастыря, обратились к Григорию с просьбой принять над ними руководство. Для согласия требовалось немалое мужество. Оказалось, что робость не помеха стойкости; может быть, Григорий сам себя стремился в этом убедить. Он сделал местом собрания верующих часовню, открыв ее в доме одного из родственников; она была освящена во имя св. Воскресения. Здесь и прозвучали пять догматических поучений, за которые Григорий был прозван Богословом. В них он углубил учение о Боге и о Троице, обратив его против еретиков - ариан и их приспешников.

В это самое время в город прибыл Иероним, по достоинству оценивший таланты каппадокийца, «равного которому среди латинян отнюдь не сыщется». Красноречие и обаяние Григория творили чудеса, число слушателей множилось, именитые горожане толпой шли к службе. В свой черед пришли и неприятности.

Причиной недоразумений с паствой стали козни некоего проходимца по имени Максим, выдававшего себя за приверженца истинной веры. Эту довольно темную личность подослал архиепископ александрийский в надежде, что он сыграет роль троянского коня. То ли по наивности, то ли по безграничному легковерию епископ приютил его у себя. Ночью пришелец был поставлен во епископа епископами александрийскими; при этом ему пришлось обстричь чересчур длинные волосы, что дало повод Григорию заметить: «Псов надлежит стричь на епископском престоле». Пробудившийся город встретил это известие народным волнением. Египтянам пришлось уступить: их ставленник был посрамлен и несколько поумерил притязания на самовластное управление христианской общиной.

Григорий опять возымел явное намерение сбежать. Верующие заметили это. Его непрерывно упрасивали, он не поддавался на уговоры, пока ему наконец не было сказано: «С вами сокровится и пресвятая Троица». Это подействовало, и Григорий остался.

Когда в Константинополь, наконец, вошел император, он водворил Григория, опираясь на свое внушительное войско, на престол Святой Софии. Стоял непогожий день, но как только процессия вошла в собор, вдруг показалось солнце и залило сиянием всю церковь. Это знамение вызвало единодушный возглас: «Григорий - епископ!» Григорий уже скрылся в алтаре. С тех пор его красноречие отдавалось под сводами храма св. Софии.

Дабы положить конец ереси и навести порядок в константинопольской епархии, император созвал новый собор (381 г.). Григорий был окончательно утвержден в должности столичного архиепископа. Проходимец Максим, которого на этот раз поддерживал папа Дамас, потерпел полное поражение. Когда преста-

рельный епископ антиохийский возводил Григория на престол, многим, должно быть, припомнился Василий, одержавший победу в лице друга. Но Мелехий умер, и председательствовать на соборе пришлось Григорию. Возникли споры о преемственности антиохийского престола. Григорий снова попытался выступить примирителем. Его не стали слушать. В конце концов даже и его собственное право на епархию оказалось под вопросом. Вынужденное епископство Сазимское осталось его пожизненным злосчастьем.

Преиратательства на соборе утомили Григория донельзя. «Иереи помоложе стрекочут, как стая соек, и озлобляются, как рой ос». Посланцы с Запада и Востока, по заведенному обыкновению, снова столкнулись.

«Первое слово Востоку, ибо на Востоке родился Христос».

«Разумеется, - ответствовали западные посланцы, - но на Востоке-то его и умертвили».

Григорий не выдержал. Он, наконец, решил сложить свои полномочия и произнес речь, полную достоинства, прощаясь со своей паствой. Довольно с него, каппадокийского провинциала, столичных треволнений, где он чувствует себя старцем, вовлеченным в младенческие игры. Лучше уж на покое возвещать учение о Троице. Он завершил свое прощальное слово знаменитым периодом, который вошел во все хрестоматии:

«Прощай, царственный храм... Прощай, храм Святых Апостолов... Прощай, епископский престол».

Прощай, великий город, прославленный надежностью веры и любовью ко Иисусу Христу.

Прощайте, Запад и Восток, ибо за вас я боролся, и вы воздвигли на меня брани.

Прощайте, дети мои, храните сокровища, вам доверенные. Вспомните о моих мытарствах, и да пребудет с вами милость Господа нашего Иисуса Христа».

Григорий составил завещание, текст его дошел до нас. Он завещал все свое состояние «православной церкви назианской, дабы пеклась о бедняках, на оную церковь надежду имеющих». Он вернулся в родной город, недолгое время руководителем там, подыскал епископа и удалился в Назианз, где владела землей его семья; там он до самой смерти предавался сочинительству и созерцанию. Умер Григорий в 390 г.

СОЧИНЕНИЯ

От позднего периода его жизни сохранилась переписка и стихи. Большая часть писем (общим числом 445) написана им из последнего уединения. Он сам составил из них собрание для своего внучатого племянника. Письма, как правило, короткие, и слог их безупречен: Григорий - мастер эпистолярного жанра. Письму должно, полагал Григорий, иметь четыре свойства: «краткость, ясность, обаяние и простоту». Вот его ответ софисту, который посчитал себя обиженным:

«Увы мне, невежде. Сколь же я неловок и неучтив! Я укорял софиста за гордыню его, а сам упустил из виду обычнейшее присловье: зачем лысому стучаться лбом с бараном? Впредь буду помнить свое место».

Переписка Григория - ключ к его внутреннему облику. Для друзей он изыскивает особые слова, слог его изобилует находками: «Ты - мое дыхание, и я живу лишь надеждою свидеться с тобой» (Письмо 6); «У каждого своя слабость: я пристрастен к дружбе и друзьям» (Письмо 94); «Наяву или во сне меня волнует только то, что касается тебя» (Письмо 171).

Многочисленны его рекомендательные письма, ибо знакомства его были широки, а заступничество действительно. Видя страдание или нужду, епископ не мог не придти на помощь; особенно его огорчали грубость и неблагодарность. Письма - свидетельство прежде всего его человеческой чуткости. В нем, казалось бы, излишне занятом собой, милосердие все же преобладало, и чужие нужды были ему ближе своих.

С первого до последнего дня он жил поэзией. Главные поэмы написаны им на склоне лет. В них сказывается апологетическое устремление доказать, что христианская культура по своим возможностям ничуть не ниже языческой. К тому же гностики ввели в обычай перелагать вероучение стихами, безнадежно его при этом огрубляя. Арий сочинил целую стихотворную рапсодию с изложением своей доктрины под названием «Талия». Александрийские грузчики, моряки и торговцы распевали его стишки на улицах.

ПОЭТ-ХРИСТИАНИН

Григорий, в свою очередь, написал тридцать восемь догматических поэм, изысканных великие истины веры. Особенно ему удалось поэмы нравственного содержания. В них он передает тончайшие чувства, повествует о своих радостях, заблуждениях, разочарованиях. Это пространственные поэтические медитации. Самая длинная поэма, «Pro vita sua», насчитывает 1949 ямбических стихов. Эта автобиография, обнажающая сокровенную жизнь беспокойного сердца, столь выразительна и проникновенна, что напрашивается сравнение с Августином.

Григорий стремится обновить поэтическую форму (в ту эпоху писались чаще всего вялые, манерные, неодоухотворенные стихи), в душевных переживаниях христианина он находит новый источник лирического вдохновения.

Вчера, угнетенный тоской,
один, удалившись от всех,
сидел я в тенистом лесу,
надрываясь сердечною болью.
Мне неведомо, отчего
к облегчению моих скорбей
служат безмолвные речи
к сердцу и в сердце моем.
Ветерок подпевал неумолчным птицам,
и лиственный кров источал душистый покой,
сладостный для сокрушенного сердца.
И тяжела меня многотрудная боль
бременем, еле посильным.

Буколические мотивы поэт часто заимствует у Гомера и Феокрита, но это лишь обрамление. Душа его впитывает теплое сияние античности, ощущает трепет, пронизавший древний мир со времен Эврипида, вопросы коего о жизни и смерти остались безответными. Григорий внял им и отозвался христианским упованием.

Коль по исходе отсюда
приемлет меня бытие без конца и границ,
как нам речено,
скажи, разве в жизни нашей не смерть
и разве не в смерти мы обретаем жизнь
вопреки помышленьям твоим?

Раздираемый противоречиями, Григорий противопоставляет свою веру и свой опыт, красоту Образа и отражения Господня и мрак, замутняющий его. «В душе и в мире, о сколько борений, искажающих красоту Твоего божественного образа!» Назианз всю жизнь был чувствителен до подавленности и глубоко переживал расщепление человеческой жизни между внутренним видением и действительностью, между возвышением души и вялостью плоти, между живостью духа и тягостью тела: сердце его было разверстой незаживающей раной.

Он ощущал - и описал нам - и порыв к нетленному блаженству, и непрочность земного, ускользающего от нас счастья. «Итак, ведаем сами и величие, и низость нашу, ибо мы вместе земные и небесные, тленные и бессмертные, наследники огня и света и порождения мрака, и дается нам по выбору нашему» (Проп., 14, 7).

Сильнее всего Григорий жаждал сближения с Богом, единения с Ним. И по мере сближения все яснее становилась непомерность разделяющего расстояния. «Ты зовешь, Ты призываешь, и я устремляюсь к Тебе», - и чем ближе сияние славы Божьей, тем мучительнее ощущение собственной немощи.

В поэзии его то и дело сквозит молитвенный, псалмопевческий настрой: он взывает и страдает. Все события жизни Григория, вплоть до самых незначительных, обостряли его чувствительность, раздвигали воображение. В одном из константинопольских поучений он уподобил свое душевное смятение морской стихии.

Хрупкое здоровье к старости еще ухудшилось, и терзания стали невероятными: жажда Богообщения и тяжкая немощь плоти усугубились возрастными хворями, бесовскими наваждениями, сознанием своей греховности. Однако старческое уныние неизменно преодолевалось озарением, христианским упованием. «Любовь пересиливает все», как сказала Жанна д'Арк на костре.

Поэзия Григория - не просто трагедия болезненной чувствительности, но драма совмещения жизни и веры. Поэзия была не ответвлением его жизни, а ее изливанием и разрешением, продолжала и дополняла его богословские умозрения. Для него, как и для Августина, богословие сливалось с молитвой, зреющей в глубинах жизненного опыта. Созерцание христианских таинств завершается великолепной поэтической строкой: «О пресвятая Троица, свод жизни моей». Его богословский путь - через очищение к возвышающему созерцанию; все пространство духовного поиска представлено в его поучениях и в его поэмах, и все это - история его собственной жизни. Совершенно очевидна органичность его богословия, где размышление неотделимо от очищения. Богословие для него - обнаружение священных тайн и божественной мудрости, целиком облекающих человеческую жизнь.

Не следует забывать, что этот поэт, подобно св. Иоанну Креста, - суровый аскет; что это богослов-мистик. Да, у него чувствительное, надорванное сердце; но когда вера под угрозой, когда оскверняются таинства, он несгибаем, и это женственное сердце оказывается тверже стали.

Редкий богослов был столь отчетливо последователен в вероучении. Греческая церковь обрела в нем свой голос. Проповеди его переписывали, иллюстрировали, украшали миниатюрами, подобно евангелиям. Некоторые рукописи представляют собой шедевры изобразительного искусства. В греческой литургии используются его проповеди и стихи. В греческих собраниях проповедей ему отводится то же место, что Августину на Западе. Из всех ораторов христианской древности он был самым популярным. Именно он, Назианзин, предстательствует за греческую церковь в росписи храма Санта Мария Антика, воздвигнутого на месте римского форума.

Этот противоречивый человек сумел совместить богопочитание и любовь к словесности; служа Единому, он служил и ей - и это в лоне Церкви, далеко не всегда благоволившей красноречию и поэзии. Для него не было пропасти между Богом и собственным творчеством, ибо в творчестве своем он обретал сопричастность Слову. В этом и есть тайна достигнутого им единства. Голос его вливается в общий хор творения вокруг Христа-жиздителя. Григорий неизменно остается самим собой, говорит ли он с людьми или с Богом.

Первая проповедь Григория, где он изъясняет жизнь христианина как уподобление земному пути Господа. Христианин - соучастник страстей, смерти и воскресения Христа.

Это объясняется на примере престарелого епископа Назианского, пожертвовавшего сыном, подобно Аврааму.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Пора всепрощения

1. День воскресения, радостное начало! Возликуем и восславим праздник сей и обменяемся миротворным целованием. Назовем же братьями не только друзей, вспомогателей и сострадателей, но и врагов наших. В честь Воскресшего да простится все: забудем же обоюдные прегрешения. Я прощаю вам благое насилие, содеянное надо мною (оно лишь теперь сделалось мне во благо!); а вы, столь благотворно понуждавшие меня, простите и вы мне мою неохоту. Вы укоряли меня за это: но может статься, Богу менее угодна излишняя успешность? Ибо некогда призыв Господень заставил колебаться и великого Моисея, и Иеремию; и тем радостнее Всевышнему было скорое послушание Аарона и Исаяи. Лишь бы то и другое вдохновлялось благочестием! Одно - по немощи нашей; другое - от всемогущества Призвавшего нас.

Новое бытие

2. Тайна окутывала помазание мое. И под покровом тайны я пребывал доныне, пока не настало время вновь узреть самого себя. И в облачении тайны я снова предстал перед вами на восходе пресветлого дня, помогшего мне одолеть колебания и справиться со слабостью своей: и надеюсь, что Воскресший ныне посреди смертей обновит мне дух и соделает меня новым человеком, сопричислив к новому творению (к тем, которые от Бога родились), и стану я добрым работником и добрым хозяином, готовым умереть и восстать вместе с Христом.

Прежнее спасение

3. Накануне закололи агнца; и помазали от крови его на обоих косяках дверей; Египет оплакал первенцев своих, но нас, заслоненных чудным и страшным знаменем, вышняя кара миновала, Губитель не посмел войти. И в сей день, очистившись, мы бежали из Египта, от фараона, жестокого владыки, и немилосердных прислужников его. Избавлены мы от тягот, от глиняного месива

и кирпичей, и нет нам помехи праздновать, чья Господа Бога нашего, день исхода из Египта, и не будем есть хлеба на прежней закваске злости и неправедности, но опресноки чистоты и истины, и не будет в них бродила нечестия египетского.

Что отдать нам во приношение Господу?

4. Накануне я был распят со Христом; нынче - прославлен с Ним. Накануне я умер со Христом; нынче - ожил с Ним. Накануне я был погребен со Христом; нынче - восстал с Ним из гробницы. Принесем же драгоценнейшее наше в жертву Тому, Кто пострадал и воскрес ради нас. Не помышляете ли вы, что я говорю сейчас о золоте, серебре, узорчатых тканях, дорогих камнях? Жалкие блага земные! Они затем лишь и возникают из праха, чтобы оказаться - вернее всего - во владении злодеев, рабов земных похотей, прислужников Князя мира сего.

Принесем же в жертву самих себя: дар драгоценнейший в глазах Господа и дражайший для нас. Почтим Его образ приношением, наипаче подобным Ему. Познаем же величие свое и нетленный прообраз свой, постигнем мощь тайны сей и смысл смерти Христовой.

5. Уподобимся же Христу, ибо Христос уподобился нам. Станем ради него как боги, ибо Он явился человеком ради нас. Он избрал Себе худшую часть, дабы даровать нам лучшую; Он соделался бедняком, дабы обогатить нас Своею бедностью; Он избрал жребий раба, дабы доставить нам свободу; Он принизился, дабы возвысить нас; Он подвергался искушениям, дабы мы над ними восторжествовали; он принял презрение, дабы мы покрылись славою. Он умер, дабы мы спаслись. Он восшел на небеса, дабы увлечь нас за Собою, нас, погрязших в пучине греха.

Отдадим же все во приношение Тому, Кто по воле Своей даровал себя в выкуп. И соделаемся для Него драгоценнейшим даром, если постигнем тайны сии и станем ради Него всем, чем стал Он ради нас.

Новый Авраам

Он дал вам пастыря, и пастырь сей перед вами. Ибо ко благу пасомых устремлены все его надежды, помыслы и попечения. Он посвятил жизнь овцам своим, и не единожды, но дважды. Оплот старости своей он сделал оплотом Духа. Даровав вам хранину каменную, даровал и живую, а к сему величавому строению присовокупил и еще одно, может статься, что и невзрачное, но дорогое ему, поглотившее столько сил и забот. О, если б оно было того достойно!

Он отдал вам все, что имел. Сколько в нем великодушия, а лучше сказать - сколько нежности к чадам своим! Он отдал вам свою старость и юность своего сына, даровал храм, священника, завещателя, наследника и слова, обращенные к вашему слуху. И не пустые слова, рассеянные в воздухе и без толку бередающие слух: нет, слова сии начертаны Духом, напечатлены на скрижалях из камня и плоти глубоким, нестираемым начертанием, и не силою начертанного врезаны, но благодатию.

Овцам должно внимать гласу пастыря своего

Таково дарение вам сего досточтимого Авраама, сего патриарха, сего великодушного и благодетельного владыки, обиталища всех добродетелей, образца святости, иерея истинного: он принес нынче Господу в жертву, в добровольное приношение, единственного своего сына, дитя обетованное. Вы же принесите Богу и нам прележкое послушание, дабы нам пасти вас «и покоить на злачных пажитях и водить к водам тихим» (Пс 22, 2).

Познайте вашего пастыря, и он вас да познает. Услышьте его ясный и чистый голос за вратами и не повинуйтесь чужаку, крадущемуся через ограду, подобно вору и злоумышленнику. Не слушайте голосов незнакомых, обманом увлекающих вас от истины, и рассеивающих вас по горам, пустыням, оврагам и иным богооставленным местам, и удаляющих вас от истинной веры; берегитесь тех, кто возглашает, будто Отец, Сын и Дух Святой не суть единое божество, единое могущество. Есть глас пастыря, и овцы мои всегда ему были послушны; пусть же слушают и впредь его, а не тех, что соблазняют ложью и нечестием, что уведут нас от истинного и истинного пастыря.

Да будет всем нам, стадам и пастырям, дано пасти и пасти вдали от сих напоенных ядом смертных трав, и да будем все мы одно во Христе Иисусе, ныне и в обителях небесных. Его же сила и слава во веки веков. Аминь.

***

(Продолжение, начало текста на стр. 1)

Опасаясь продолжения гонений, прихожане храма св. Жен Мироносиц 19 февраля отправили архиепископу письмо со смиренной просьбой пощадить их настоятеля. Они писали о том, как важны для них беседы о. Павла, его забота и любовь не только к ним, прихожанам, но и к немощным и обездоленным, как важно им видеть перед собой пример пастыря, у которого слово не расходится с делом, чьи проповеди и беседы отражаются в личной повседневной жизни. «Для нас, прихожан храма св. Жен Мироносиц особенно ценно, что о. Павел является живым свидетелем и носителем традиции св. новомучеников и исповедников Российских.

Духовные наставники и учителя о. Павла (такие как архим. Борис (Холчев), епископ Ермоген (Голубев)) - это репрессированные от безбожной власти исповедники и свидетели Христовы в советской России. Сам о. Павел за евангельскую проповедь и церковное строительство был репрессирован советской властью, но не согнулся и остался верен правде Божией, претерпев унижения и мучения», - говорилось в письме. Через несколько дней, 23 февраля 2008г., архиеп. Евсевий подписал следующий указ:

Московская патриархия
180006 г. Псков № 7
ул. Л. Поземского, 83а,
тел./факс 72-06-22
22 февраля 2008 г.

УКАЗ

ПРОТОИЕРЕЮ ПАВЛУ
АНАТОЛЬЕВИЧУ АДЕЛЬГЕЙМУ

Настоящим, в связи со сложившейся непрекращающейся крайне нетерпимой обстановкой в храме Святых Жен-Мироносиц г. Пскова и вашим отказом от участия в заседании Псковского Епархиального суда для разрешения возникшего конфликта между вами и клириком вашего храма священником Владимиром Будилиным, учитывая также вашу открытую неприязнь к предшествующим клирикам, вы освобождаетесь от должности настоятеля храма Святых Жен-Мироносиц г. Пскова и остаетесь клириком того же храма.

ЕВСЕВИЙ,
Архиепископ Псковский
и Великолукский

Через день о. Павел отправил ответное письмо:

Ваше Высокопреосвященство!

Необоснованные репрессии, которыми Вы преследуете меня последние 15 лет, продолжил Указ № 7. Без вины казнили большевики моих дедов и родителей. Без вины меня осудили и изувечили в тюрьме. Суд нас оправдал. Их посмертно, а меня через 40 лет. «Дополняйте же меру отцов ваших» (Мф 23,32).

Со временем Ваш Указ осудят, как образец беззакония. Как мой судебный приговор, Указ содержит клевету. Вопреки письменным свидетельствам и живым свидетелям, Указ без исследования обвиняет меня в «нетерпимой обстановке».

1. Вы не смогли назвать мой конкретный проступок. Такого не было.

В храме Святых Жен Мироносиц не было скандалов. Полгода моего ежедневного служения проходили в мирной обстановке. Священник Владимир Будилин прекратил евхаристическое общение с настоятелем, искажал чин Литургии и других Таинств, срывал богослужения, полгода не появлялся в храме без уважительной причины. Это изложено в докладных, которые Вы игнорировали годами. «Нетерпимую обстановку» создаёт Ваше снисхождение к нарушению пастырского долга и христианской этики. Вы осудили и сняли настоятеля за свои собственные упущения.

2. Отказ от епархиального суда канонически обоснован: нельзя судить без обвинения. «Положение о епархиальном суде» не допускает суд, если нет события преступления и обвинения, поскольку епархиальный суд рассматривает обвинения, влекущие лишение сана и отлучение от Церкви.

Вместо беззаконного суда Вы могли пригласить на беседу, но не захотели.

3. «Открытая неприязнь к предшествующим клирикам» - ложное обвинение.

За 20 лет моего настоятельства в Мироносицком храме служили:

1. Архим. Елевферий Попов, ныне настоятель Успенского храма.
2. Свящ. Владимир Георгиев, ныне настоятель двух городских храмов.
3. Прот. Михаил Мельник, ныне настоятель Воскресенского храма.
4. Прот. Евгений Найдин, ныне настоятель Матвеевского храма.

Это же кузница настоятелей! Все ушли с повышением, с каждым я сохранил добрые отношения.

Вы отняли храм, который я построил в Богданово.

Без вины уволили меня из Матвеевского храма.

Без вины отняли Мироносицкий храм, поднятый из руин моими руками.

Обрекли на уничтожение православную школу регентов и сиротский приют.

Не дав ничего, Вы отняли всё. (...)

***

По сообщениям <http://sfi.ru>: 1 марта 2008 года около 13 часов священник Сергей Иванов, войдя в помещение школы регентов по адресу г. Псков ул. Коммунальная 13, изъял у работников школы обращение к Митрополиту* и листы с подписями в поддержку этого обращения, потребовал прекратить сбор подписей.

Сбор подписей был организован членами Приходского совета храма с целью доведения до Митрополита Псковского и Великолукского Евсевия мнения прихожан.

Изъяв указанные документы, отец Сергей попытался пресечь возможность реализации прихожанами права на свободу слова и волеизъявления, гарантированные Конституцией РФ.

В связи с этим событием член приходского собрания храма св. Жен Мироносиц Обозный К.П. передал заявление в прокуратуру г. Пскова с просьбой «провести проверку имеются ли в указанных действиях священника Сергея Иванова признаки преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ «Самоуправство» и обязать его вернуть изъятые документы. Либо (...) провести проверку законности самоуправных действий священника Сергея Иванова и обязать его вернуть изъятые документы».

В свою очередь и.о.прокурора города младший советник юстиции П.Ю.Тельнов постановил направить заявление Обозного К.П. начальнику УВД по г.Пскову для разрешения по существу.

*25 февраля 2008 г. архиепископ Евсевий был возведен в сан митрополита.